

Абдурахман Геназович Авторханов
Сталин. Путь к диктатуре
Серия «Я предал Родину»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6713232
Сталин. Путь к диктатуре: Алгоритм; Москва ; 2014
ISBN 978-5-4438-0745-4

Аннотация

Автор этой книги Абдурахман Авторханов – историк-советолог, писатель, публицист и общественный деятель. При Сталине он входил в партийную элиту страны, в 1937 году был арестован, в годы войны перешел линию фронта с предложением Гитлеру союза с восставшей Чечней. После войны был профессором американской Военной академии и председателем ее Ученого совета. Автор ряда книг по истории СССР и его системе управления.

В книге, предложенной вашему вниманию, А. Авторханов пишет о том, как Сталин устранял своих политических конкурентов (Зиновьева, Каменева, Бухарина и других) на пути к единоличному диктаторскому правлению. Книга содержит многие эпизоды этой борьбы, неизвестные историкам и широкому кругу читателей; при работе над книгой автор использовал огромный массив документальной информации.

Содержание

Карьера Сталина	4
Сталин и Бухарин	17
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Абдурахман Геназович Авторханов

Сталин. путь к диктатуре

Карьера Сталина

... Заметили ли биографы Сталина целую цепь «случайных событий», которые каждый раз выводили его из прямо-таки рокового положения и служили новой вехой на путях его стремительной карьеры? Положение отчаянное, ужасный дамоклов меч вот-вот готов сорваться прямо на голову Сталина, абсолютно некуда деваться и не от кого ожидать руки помощи. «На этот раз ты, проклятый, отсюда не уйдешь!» – пророчат ему враги, а он не только выходит из-под меча, но с лавиной силой, с волчьей хваткой и с дьявольским коварством направляет тот же меч на голову врагов, злорадствующих зрителей и даже собственных спасителей. Теперь он на переднем плане в позе благодетеля для уцелевших, в образе мстителя будущим врагам.

Он умеет эксплуатировать и «дары судьбы». Случайность объявляет закономерностью, а закономерность сводит к случайности. Его интеллектуальная примитивность недоучившего семинариста получает ореол всепобеждающего величия и всевидящего гения. Если до очередной «случайности» «он был знаменит только у своих знакомых», как сказал бы Генрих Гейне, то после нее сама слава толкает его на более широкую сцену. Сейчас он снова на трибуне перед толпой, которая, частью с восхищением, частью с недоумением смотрит на его малоимпозантную по внешности, но необыкновенно живучую фигуру триумфатора. Он, знающий, как никто другой, цену толпе и самому себе, величаво позирует перед толпой и надменно выступает перед врагами. Толпа ему аплодирует за величие, а враги втихомолку вспоминают слова Перикла: «Дело в том, что кичливость бывает и у труса, если невежеству помогает счастливый случай!».

Но сколько же должно быть этих «случаев», чтобы они определили не только непостижимое восхождение одного человека, но и гибель целого поколения?

Первая русская революция. Крайние тогда бросают в буйствующую толпу заразительный лозунг – «грабь награбленное»! Большевики создают отряды партизан, террористов и вооруженных «экспроприаторов» (слово «грабитель», режущее ухо даже самого грабителя, Ленин заменяет почти академическим иностранным словом «экспроприатор» или сокращенно – «экс»).

Рядовой Джугашвили «случайно» возглавляет грузинских «экс» и руководит грабежом тифлисского казначейства. Сотни тысяч рублей через будущего министра иностранных дел – Литвинова – переводятся за границу в кассу Ленина. Полиция тщетно ищет грабителей, арестовывает тысячи людей, в том числе и помощника Сталина по грабежу, тифлисского армянина Камо (Тер-Петросян). Камо арестован за границей, в Берлине по требованию русского правительства как грабитель казначейства. Улики против Камо абсолютные и бесспорные. Он должен быть допрошен и выдан русской полиции, чтобы наказать как его самого, так и его руководителей. Для таких преступников царизм знает в революционное время только одно наказание: суточный военно-полевой суд, а на второе утро – виселица.

В берлинском полицейско-президиуме идут интенсивные допросы, Ленин награбленные деньги столь же интенсивно превращает в пламенные революционные прокламации и бросает в гущу бунтующей России. Джугашвили с видом святого простака и невинного младенца ходит днем по Тифлису, коротает ночи в духанах, а деньги выпрашивает... у агентов тайной полиции. Но страх временами охватывает душу: а что, если Камо вдруг расскажет немцам тайну преступления в надежде на недосыгаемость русской полиции и в погоне за

славой русского революционера или, что еще хуже, педанты законов и законности – немцы – отдадут Камо в руки законного судьи – русского правительства? Тогда уж не миновать веревки на шею. Но опасения Джугашвили напрасны. Камо объявляется сумасшедшим. Немцы приходят к заключению, что Камо, вне сомнения, преступник, но его сумасшествие тоже несомненно. Под ужасом содеянного преступления он лишился рассудка. Показания умалишенного не могут иметь юридической силы, да и сам он теперь безответствен перед законом.

Редкая сенсация для мировой криминальной литературы. «Грабитель тифлиского банка сошел с ума», – кричат газетные шапки, и только тогда Джугашвили вздыхает облегченно. Но ненадолго. В один из черных дней сумасшедшего сажают в одиночную камеру тифлиской уголовной тюрьмы. Сейчас уже и Джугашвили уверен: «Все кончено, погиб Камо, погиб и я!» Культурным немцам не угнаться за нашими жандармскими профессорами. Эти выбьют из Камо или дух или полное признание со всеми деталями. Новые допросы, новые «психоанализы» и под конец новые пытки. Но напрасно! «Если когда-нибудь на этой земле люди сходили с ума, то Камо король сумасшедших», – решает полицейский следователь и направляет его в сумасшедший дом, в палату тихопомешанных Наполеонов. Джугашвили «случайно» ускользает от веревки.

* * *

Он ссылается по другому преступлению в Сибирь. Но он бежит. Его опять ссылают подальше, но он опять бежит. Так, уже в общей сложности пять или шесть раз Джугашвили ссылают все дальше и дальше, и каждый раз ему «случайно» удается побег, и он появляется то в Баку, то в Тифлисе, то в Петербурге. Но наконец его загоняют в далекий край (Туруханская ссылка) под «строгий надзор». Побег оттуда считался почти безнадежным делом. Однако и тут «счастливая случайность» снова помогла неугомному «беженцу». Еще не успел Джугашвили разработать маршрут своего нового побега, как его призвали в армию, но тем временем революция мощной волной прибила его к берегам Невы в апартаменты Смольного дворца в качестве члена ЦК партии большевиков и депутата Всесильных Советов рабочих и солдат, но уже не как безвестного Джугашвили, а как будущего Сталина.

Октябрь. Ленин у власти. Все еще малоизвестный, Сталин получает маловажный пост народного комиссара по делам малых национальностей России. У этого министерства нет почти никаких функций. И на малые народы распространяется власть «классических министерств». Сталину делать нечего. Он просто «номинальный министр», да и пост выдуман Лениным специально для него, чтобы отблагодарить за прошлое, но и до настоящего дела не допускать. Слишком примитивен, груб, все еще «экс». Пусть пока что присматривается к другим, как надо управлять «награбленным». Сталин исполнитель, терпелив, лоялен, по-собачьи «предан Ильичу», до приторности вежлив по отношению к сильным, бесчеловечно жесток к «врагам революции». Такому надо дать власть побольше. Сталин – нарком Рабоче-крестьянской инспекции, блюститель законов революции. Враг врагов и бич нового советского бюрократизма. Вернейшее око Ильича.

Гражданская война. Троцкий – полководец Красной Армии, Сталин уполномоченный по хлебу. Столицы голодают. Сталин с Волги снабжает их хлебом, забранным у крестьян штыками солдат продовольственных отрядов и частей особого назначения. Сталин снабжает Ленина хлебом и в компенсацию требует, чтобы Ленин снабдил его мандатом, дающим ему власть над Южным фронтом Троцкого. Ленин колеблется, Сталин задерживает хлеб («без мандата ему не дают хлеба!»). Но без хлеба Ленин погиб. Революция удалась из-за лозунга: «Даешь хлеба, хлеба, хлеба!». Пролетариат «победил» и теперь говорит просто и

естественно «давай мой хлеб». А хлеб там, где Сталин. Нечего делать: Ленин посылает Сталину мандат.

Сталин посылает хлеб Ленину с приложением своего «гениального» «плана разгрома Деникина». Заодно тут же, пользуясь ленинским мандатом, организовывает военную оппозицию (Ворошилов, Буденный, Егоров и др.) против Троцкого. Троцкий требует убрать лидера «партизан» Сталина. Сталина убирают. Плохо, но он покорно подчиняется. Рано. Надо ждать своего счастья. Не просто ждать, а ковать его. Как ковать? Теми же методами, как потом другие ковали его у самого Сталина: лестью, преданностью, исполнительностью, послушностью, но и подлостью. Сталин скромно, но демонстративно заявляет: «голосуйте за Ильича – не ошибетесь!» (то же твердили потом по адресу Сталина его «соратники»). Так было во время Брестского кризиса, так было во время профсоюзной дискуссии с Троцким, так было во время «рабочей оппозиции» и оппозиции «демократического централизма». Так было всегда после первого ленинского удара. Да, Сталин не просто лоялен, он глубоко предан.

* * *

1920 год. Ленину исполняется 50 лет. Сталин требует публичного празднования даты рождения «великого вождя мировой революции». Ленин хочет показать, что ему чужды внешний блеск, шум и торжественные фанфары. Он старается избежать этого, но Сталин неумолим. В «Правде» появляются юбилейные статьи Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Сталина и других. В статьях дается в биографических датах Ленина анализ истории русской революции. Статьи блестящие, торжественные, высокостильные.

Самая слабая из них статья Сталина. Слабая литературно. Но только в этой статье разгадан весь Ленин: «Ленин-вождь, Ленин-организатор, Ленин-идеолог». Весь Ленин вылит в сжатых, льстивых, до упрощенства простых литературных формулах. Ленин, враг фразы и рисовки, впервые увидел себя в зеркале. Нет, Сталин не просто исполнитель, он и талантливый интерпретатор большевизма!

Ленин все еще не сдаётся. Однако враги Троцкого – Зиновьев и Каменев – выдвигают Сталина на пост генерального секретаря ЦК, чтобы руками Сталина выгнать оттуда троцкистов. Ленин все еще колеблется, он против. Собственно, только он и знает Сталина. Знает даже, куда стремится Сталин, а Зиновьев и Каменев считают его просто удобным оружием против Троцкого. Ленин болен уже давно, временами возвращается в Кремль, но почти потерял контроль над партией.

XI съезд партии (1922 год) – зиновьевцы проводят Сталина «генеральным секретарем» ЦК. Троцкий считает даже ниже своего достоинства придавать какое-либо значение этому «техническому» факту. Ленин сдаётся, Сталин переселяется в ЦК и тут же приступает к войне против Троцкого. Новые кадры в ЦК. Зиновьевцы и сталинцы на паритетных началах. Глубокая конспирация и глухая борьба. Дело принимает серьёзный оборот. Сталин, Зиновьев и Каменев конспирируют даже против Ленина.

Больной Ленин, находясь в Горках, требует отчета от Сталина. Сталин отчета не дает. Возмущенные поведением Сталина троцкисты бомбардируют Ленина письмами, но Ленин бессилен. Сталин уже громит своих врагов в Грузии – членов ЦК и руководителей грузинского правительства, многие из которых являются личными друзьями Ленина и Троцкого.

Ленин требует отчета, но Сталин его не дает. Тогда Ленин посылает с ультиматумом свою жену – Крупскую, но Сталин бесцеремонно выставляет ее из кабинета, да еще обзывает нецензурными словами.

Умиравший и бессильный Ленин пишет «Политическое завещание» – убрать Сталина со всех постов в партии – и вдобавок, после «разговора Сталина по телефону с Крупской», краткую записку в ЦК, что он порывает всякие отношения со Сталиным.

Теперь судьба Сталина на волоске – авторитет Ленина в партии и ЦК непререкаемый. Первый день возвращения Ленина к работе – последний день сталинской карьеры. Но тут опять помогает «случайность» – Ленин умирает, и Сталин остается.

* * *

Будущий историк большевистской партии недоуменно остановится у этого порога – 1924 год. И чем дальше, тем больше будет нарастать это недоумение. Добравшись до джунглей конца двадцатых и начала тридцатых годов, он вообще разведет руками: ведущие актеры великой драмы начинают заикаться, немые статисты, напротив, приобретают дар слова, а закулисная толпа театрального люмпен-пролетариата грубо и напористо заливает сцену...

«Умер режиссер русской революции – да здравствует режиссер!» – кричит люмпен-пролетариат. Он, жадный до власти и неразборчивый в средствах, ведет своего кумира к пустующей после Ленина режиссерской будке революции.

Ведущие актеры один за другим сходят со сцены, статисты вступают в главные роли, люмпен-пролетариат получает «хлеб и зрелища», а режиссер властной рукой и железной волей переворачивает новую страницу кровавой драмы. Почему это ему удастся?

Вот кардинальный вопрос, на который обязан ответить будущий историк. Тщетно он будет искать ответа в генеалогии большевизма, психологии большевиков, в мессианстве «русской души», в темпераменте грузинского характера. Напрасны будут его поиски в пыльных архивах революции, в партийных резолюциях и даже протоколах Политбюро. Сами социальные условия того времени мало что смогут объяснить ему. Гениальность Сталина в интеллектуальном отношении он возьмет под сомнение. Граммофонные пластинки с речами Сталина и тринадцать томов его сочинений вообще разоружат будущего историка: он убедится, что Сталин – тошнотворный оратор и кустарный теоретик.

Тогда как же этот посредственный человек смог стать грозным владыкой великого государства и ярким символом целой эпохи?

Одного ответа на этот вопрос нет. Надо знать всего Сталина и всех его врагов. Одно несомненно: Сталин – великий психолог люмпен-пролетариата и Макиавелли в политике. Февраль дал власть народу, Октябрь – плебсу, а Сталин – люмпен-пролетариату. Октябрь национализировал богатых, но не обогатил бедных. «Военный коммунизм» допролетаризировал город и пролетаризировал деревню. НЭП повернулся лицом к сильным, ничего не дав плебсу – «лицом к деревне», «учиться торговать», «обогащайтесь!». Плебс опустился ступенью ниже – он стал люмпен-пролетариатом и занял очередь у «Биржи труда» не с тем, чтобы идти на работу, а чтобы просто угрожать: «За что мы боролись, за что кровь проливали?»

В верхах партии тоже происходили глухое брожение и дифференциация. Одни тянули «влево», другие «вправо», третьи качались «без руля и без ветрил» между теми и другими.

Вакантное место Ленина продолжало пустовать, но оно, как и природа, не терпело пустоты. Лозунг Троцкого «возместим потерю Ленина коллективной волей и коллективным разумом ленинского ЦК» оказался пустословием. Междуцарствие продолжалось только до тех пор, пока Сталин не овладел массой люмпен-пролетариата и техникой великого флорентийца. Уничтожив «левых» руками «правых», «правых» – руками «кающихся», «кающихся» – заговором люмпен-пролетариата от Ежова до Маленкова, Сталин превзошел Ленина. Удалось это ему потому, что он сумел создать в партии свою партию. Эта «внутрипартийная партия» вербовалась из профессиональных политических дельцов, которые должны были обла-

дать всеми человеческими качествами, кроме одного: морального тормоза. Если сама идея была подсказана Лениным («ядро профессиональных революционеров» – «Что делать?»), то техника и устав ее были разработаны Сталиным не в период его прихода к власти, а задолго до этого.

* * *

В связи с этим я невольно припоминаю рассказ одного старого грузинского социал-демократа, который вместе с Джугашвили учился в семинарии, вместе с ним сидел в царской тюрьме в Кутаиси, а через 35 лет доживал свои последние дни в сталинской тюрьме.

Он рассказывал:

«Однажды преподаватель древней истории задал нам тему для письменной работы. Тема называлась „Причина гибели Цезаря“. Джугашвили написал самое оригинальное сочинение. Отвечая на прямо поставленный вопрос о причинах падения Цезаря, он добросовестно изложил школьную концепцию и добавил от себя – действительная же причина заключалась в том, что у Цезаря отсутствовал аппарат личной власти, который контролировал бы аппарат государственной (сенатской) власти.

В приложенной к сочинению схеме организации власти Цезаря, сената и провинциальных наместников Джугашвили выводил „белые места“, охваченные красными клещами. „Белые места“ – уязвимые точки для нанесения ударов цезаризму, а „красные клещи“ – оборонительные меры для их предупреждения. В комментариях к схеме Джугашвили утверждал, что провинциальные наместники были слишком самовластны, чтобы они могли чувствовать над собой не столько власть сената, сколько дамоклов меч Цезаря. Борьба с сенатской знатью окончилась помилованием врагов и сохранением коллективного символа власти сената, что делало иллюзорными права „вечного диктатора“. Кроме всего этого, Цезарь искал друзей, чтобы разделить с ними власть, а не исполнителей, которые обязаны повиноваться. Поэтому он и погиб от рук друзей (Кассий и Брут), не огражденный железными клещами верноподданных исполнителей.

Преподаватель спросил своего ученика:

– Не похожа ли ваша схема на абсолютную монархию?

Ученик ответил:

– Нет, личная власть монарха опирается на аппарат государственной власти, а по моей схеме и сам аппарат государственной власти держится аппаратом личной власти.»

Впоследствии Сталин такие и подобные им суждения о «диктатуре пролетариата» называл суждениями «еще окончательно не оформившегося марксиста» (сравните предисловие к первому тому «Сочинений И. В. Сталина»). Но мне всегда казалось и сейчас кажется, что в этих семинарских сочинениях Джугашвили – весь будущий Сталин.

Если бы у нас не было никаких других доказательств на этот счет, то одни уже воспоминания Троцкого – «Моя жизнь» – не оставляют ни малейшего сомнения, что, начиная с апреля 1922 года, то есть со дня своего назначения генеральным секретарем ЦК, Сталин методически и настойчиво работал над осуществлением своей семинарской схемы. Прежде всего, Сталин воссоздал снизу доверху весь партийный аппарат и поставил его над партией. Первым человеком, который разгадал тайну этого «нового курса» Сталина еще при жизни Ленина, был Троцкий. В письме ЦК, в октябре 1923 года, Троцкий открыто обвинил аппаратное руководство ЦК в «групповой политике». Это же обвинение было выдвинуто и в «Заявлении 46». Групповую политику Сталина Троцкий видел в том, что «партийный аппарат, несмотря на идейный рост партии, продолжает упорно думать и решать за всех», но «партия должна подчинить себе свой аппарат». Однако ни эти предупреждения Троцкого, ни

«Заявление 46», ни глухое требование больного Ленина «быть осторожными на поворотах» не могли удержать Сталина от уже взятого курса.

Троцкий свидетельствует:

«Ленин вызвал меня к себе, в Кремль, говорил об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и о необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу. Он предлагал создать специальную комиссию при ЦК и приглашал меня к активному участию в работе. Я ему ответил: „Владимир Ильич, по убеждению моему, сейчас в борьбе с бюрократизмом советского аппарата нельзя забывать, что и на местах, и в центре создается особый подбор чиновников и спецов, партийных и беспартийных, вокруг известных партийных руководящих групп и лиц – в губернии, в районе, в центре, то есть в ЦК. Нажимая на чиновника, натыкаешься на партийца, в свите которого спец состоит, и при нынешнем положении я на себя такой работы не мог бы взять“.»

Ленин согласился с этой оценкой Троцкого и предложил ему блок Ленин-Троцкий против Сталина.

Это уже показывает, как далеко зашел Сталин, а главное – какой силой стал его аппарат еще до смерти Ленина!

* * *

Идеально налаженная взаимная работа главы ВЧК Ф. Дзержинского и главы Секретариата ЦК Сталина помогла Сталину и здесь. Когда обвинение Троцкого в установлении диктатуры партийного аппарата нельзя уже было игнорировать, Сталин предложил Политбюро создать «нейтральную партийную комиссию» под руководством Дзержинского для рассмотрения жалоб Троцкого и «Заявления 46». Эта комиссия сделала все, чтобы обелить «аппарат Сталина» и дискредитировать Троцкого, но октябрьский пленум ЦК (1923 год) постановил предложить Политбюро принять все меры к тому, чтобы обеспечить дружную работу.

«Я должен заявить, товарищи, за период после октября мы приняли все меры к тому, чтобы дружная работа с т. Троцким была налажена, хотя должен сказать, что дело это далеко не из легких. Мы имели два частных совещания с т. Троцким, перебрали все вопросы хозяйственного и партийного порядка, причем пришли к известным мнениям, не вызывавшим никаких сомнений. Продолжением этих частных совещаний и этих попыток наладить дружную работу внутри Политбюро было, о чем я уже докладывал вчера, создание подкомиссии из трех. Подкомиссия эта и выработала проект резолюции, ставшей впоследствии резолюцией ЦК и ЦКК о демократии. Так было дело. Нам казалось, что после того, как резолюция принята единогласно, нет больше основана для споров, нет оснований для внутривнутрипартийной борьбы. Да так оно и было на деле до нового выступления т. Троцкого на другой день после опубликования резолюции ЦК, проведенного независимо от ЦК и через голову ЦК, которое расстроило все дело, изменило положение радикальным образом».

Так жаловался Сталин на Троцкого, признавая одновременно тот знаменательный факт, что «октябрьский пленум предложил», по существу, не Троцкому, а ему прекратить практику создания собственной партии в партии, хотя комиссия Дзержинского пришла на пленум со сталинскими тезисами «о клевете Троцкого» на «партаппарат и ленинские кадры партии». Выступление же Троцкого «через голову ЦК» было вызвано тем, что, положив в сейф ЦК решение пленума, Сталин, как ни в чем ни бывало, продолжал свое дело по созданию и укреплению «диктатуры партаппарата».

Низовая партийная масса после этого обращения Троцкого, несмотря на террор и давление этого уже почти окончательно сложившегося аппарата Сталина-Дзержинского, весьма резко реагировала на поведение Сталина. На собраниях «пролетарских ячеек Москвы», этих крепостей сталинизма, Сталин и Дзержинский, пользуясь именем Ленина, собрали против Троцкого только 9843 голоса. Обвинения Троцкого против Сталина поддерживали 2223 человека, голосовавших за осуждение Сталина. Большее количество членов партии не участвовало в дискуссии, чтобы завтра же не оказаться если не в подвалах Дзержинского, то в очередях у «Биржи труда» как безработные.

Катастрофическое поражение Сталин потерпел в партийных организациях высших школ Москвы. Из 72 вузовских ячеек за ЦК высказались 32 (2790 человек), за оппозицию – 40 ячеек (6594 человека).

Еще хуже было дело у Сталина в провинции. Многие провинциальные организации решительно требовали смены «нового курса» Сталина. Если все еще не было единодушного бунта в партии против своего аппарата, то объяснялось это, главным образом, колоссальным личным авторитетом Ленина, из-за болезни лишенного возможности дать партии объяснение. Партия ждала его выздоровления. Сталин ждал его смерти. Но уже на XIII партийной конференции Сталин принял и профилактические меры по изменению состава столь непослушной партии – по его предложению конференция решила привлечь в партию новых 100 тысяч членов от рабочего станка, закрыв путь в партию мелкобуржуазным элементам. К «мелкобуржуазным элементам» относилась провинция (крестьяне) и вузы (студенты). Сталин приглашал пролетариев от станка и люмпен-пролетариат, чтобы вернее покончить с «саботажниками» создания партии в партии.

* * *

В день смерти Ленина – 21 января 1924 года – экстренный пленум ЦК выпустил обращение, в котором говорилось:

«Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери. Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия. Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед! Потому, что она ленинская партия. Потому, что она воспитана и закалена в боях! Потому, что у нас есть в руках то завещание, которое оставил ей т. Ленин!».

В этом «завещании», опубликованном после XX съезда КПСС, Ленин писал, что Сталин груб, капризен и нелоялен, и поэтому требовал снятия Сталина с поста «генсека» ЦК. Нет никакого сомнения, что если бы Ленин остался в живых хотя бы еще несколько месяцев, Сталин перестал бы существовать политически. В этом случае решение Ленина было бы окончательным и, как всегда, безапелляционным.

Сталин это знал лучше других и поэтому готовил Ленину «аппаратную» оппозицию против осуществления его воли. Имел бы Сталин успех? Сомнительно. И здесь встает вопрос, который Троцкий ставит в своем незаконченном (и тут Сталин его предупредил, вовремя подослав убийцу в Мексику) биографическом очерке «Сталин», а именно – не убил ли Ленина сам Сталин?

Троцкий рассказывает, что после своего очередного визита к больному Ленину Сталин сообщил Политбюро, что Ленин требует от него яда, чтобы покончить с собой! Это сообщение Сталина было встречено с возмущением членами Политбюро. Сам Сталин не открыл своего отношения к этому требованию Ленина. Замечая, что Ленин хорошо знал, кто способен, да и заинтересован дать ему яд, Троцкий молчаливо допускает такую гипотезу, хотя и не

настаивает на ней. Могло ли это случиться? Люди, знающие характер Сталина и сущность его системы, не могут отрицать такую возможность.

Н. К. Крупская еще в 1927 году произнесла общеизвестную в партии фразу: «Живи сегодня Ильич, Сталин посадил бы его в тюрьму!» А из сталинской тюрьмы, как известно, не вышел живым ни один ленинец. Почему же тогда не убить и самого Ленина? Возьмите полный список членов ленинского ЦК, избранного на VI съезде партии в августе 1917 года. Кто из них остался в живых?

1. Ленин – умер.
2. Каменев – расстрелян.
3. Троцкий – убит Сталиным.
4. Сталин.
5. Зиновьев – расстрелян.
6. Свердлов – умер.
7. Ногин – умер.
8. Рыков – расстрелян.
9. Бухарин – расстрелян.
10. Бубнов – расстрелян.
11. Урицкий – убит (террористом).
12. Милютин – расстрелян.
13. Коллонтай – умерла.
14. Артем (Сергеев) – умер.
15. Крестинский – расстрелян.
16. Дзержинский – умер.
17. Иоффе – покончил с собой из-за Сталина.
18. Муранов – умер.
19. Сокольников – расстрелян.
20. Смилга – расстрелян.
21. Шаумян – расстрелян (англичанами).
22. Берзин – расстрелян.
23. Стасова – арестована (потом освобождена).
24. Ломов – расстрелян.

Таким образом, из 24 членов ЦК, руководивших октябрьским переворотом большевиков, к концу всех чисток один Сталин остался в живых и на свободе, 7 умерло естественной смертью, 11 расстреляны Сталиным, 1 убит Сталиным, 1 арестован, 2 убиты врагами, 1 покончил жизнь самоубийством.

Спрашивается, почему же Сталин должен был пощадить и самого Ленина, уничтожая начисто всю ленинскую гвардию?

* * *

Вернемся к теме. Я уже цитировал рассказ Троцкого, как прямо на глазах Ленина Сталин создавал свою собственную партию в партии. Смерть Ленина только ускорила этот процесс.

Прежде всего, ЦК решил в ответ на смерть Ленина призвать в партию «рабочих от станка» – так называемый «ленинский призыв». Под этим лозунгом было торжественно принято в партию до 250 000 человек рабочих с производства, сочувствующих новому сталинскому курсу в партии. Таким образом, партия выросла к маю 1924 года до 730 000 человек. Одновременно сталинцы приступили к чистке партии от ее членов, которые во время дискуссии 1923 года голосовали против Сталина за Троцкого.

В первую очередь эта чистка коснулась, разумеется, вузовских ячеек, в большинстве открыто ставших на сторону Троцкого (Сталин и ЦК обвиняли Троцкого, между прочим, и в том, что, выдвинув лозунг «Молодежь – барометр партии», он только льстит молодежи и противопоставляет ее «старым кадрам»). После такой чистки к концу 1925 года в партии было только 640 000 человек. Около 100 тысяч студентов, профессоров и работников вузов – членов партии – Сталин исключил из партии за недоверие к себе. Исключенных из партии немедленно выгоняли и из вузов...

«Дайте нам организацию профессиональных революционеров – и мы перевернем Россию», – говорил Ленин еще в 1902 году («Что делать?»). Эта мысль Ленина оставалась центральной руководящей идеей Сталина на путях к его личной власти в борьбе с оппозициями. На этот раз говорилось не о «профессиональных революционерах», а об «активе» партии. Это было не только магическое слово, но и магическая идея. Уже спустя два десятка лет «Правда» напоминала партийному аппарату и имя автора этой идеи, и ее значение в истории сталинского переворота: «т. Сталин указывает, что актив при умелом его использовании может составить величайшую силу, способную на чудеса». Действительно, в борьбе с Троцким этот актив составил «величайшую силу» и продемонстрировал «чудеса», столь легко дискредитировав казавшийся до этого неоспоримым авторитет Троцкого в партии и стране. Правда, многие из старого «актива» сами оказались троцкистами, но в целом «актив» себя оправдал.

Сталин сделал отсюда только тот вывод, что и «актив» надо подбирать и организовывать, как Ленин подбирал и организовывал группу «профессиональных революционеров». Нельзя допускать в активе потенциальных врагов «генеральной линии». Надо подбирать его не по признакам прошлых заслуг перед революцией, а по признакам актуальным – на что данный коммунист способен сегодня.

«ЦК руководствовался при этом гениальной мыслью Ленина о том, что главное в организационной работе – подбор людей и проверка исполнения», – говорил Сталин об этой своей практике. Очищая послетроцкистский актив, Сталин уже к концу двадцатых годов дал понять партии, что в этом активе он потерпит только послушных и беспощадно будет преследовать старых «вельмож».

Но кого же все-таки считать членом актива – местного, районного, областного, центрального? Так называемых номенклатурных работников райкомов, обкомов и ЦК партии, иначе говоря, бюрократию партийного, административного, хозяйственного, профсоюзного и военного аппаратов? Но не все члены этой бюрократии числились в «активе», а только избранные. Кто же их избирает? Партийный аппарат. Только те могут участвовать на собраниях партийного актива, которые получают персональные пригласительные билеты от партаппарата (РК, обкомов, ЦК). Кому же он рассылает приглашения? Только тем руководящим коммунистам, которые числятся без минусов в списках особых секторов партийных комитетов. Бывало много случаев, когда весьма заслуженные коммунисты, все еще занимающие видные посты в органах администрации и хозяйственного управления, на партактивы не приглашались, если их лояльность к сталинской линии вызывала сомнение.

Это и понятно, так как актив – это элита партии, на его собраниях подтверждалась от имени всей партии правильность линии ЦК и Сталина. Актив или активы служили для создания общественного мнения в партии так же, как эту роль в печати выполняла «Правда». Решение партактива механически принималось за волю всей партии. Поэтому понятие «активист» одновременно символизировало собою и преданность сталинской линии, и принадлежность к партийной элите. Чтобы сделать какую-либо карьеру в партии и государстве, коммунист должен был попасть в этот «актив».

Так создавалась та партия в партии, которая привела к столь легкой победе Сталина над его противниками.